

УДК 94(57)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.159-174

ИВАН ГРОЗНЫЙ – ПОТОМОК ЧИНГИЗ-ХАНА ИЛИ АВГУСТА: ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ XV–XVI вв.

С.А. Чернышов

Новосибирский государственный технический университет

Новосибирск, Российская Федерация

1502911@mail.ru

Цель статьи: рассмотреть коммуникационные практики Ивана Грозного, его предшественников, русских дипломатов и иных представителей верховной власти Московского царства в XV–XVI вв. в контексте легитимизации прав на отдельные территории и представлений об исторической преемственности царского престола в целом.

Материалы исследования: исследование проведено на основе анализа летописей, актовых и дипломатических материалов, материалов исторических и этнографических исследований.

Результаты и научная новизна: опубликованная статья М.В. Моисеева «Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую орду» («Золотоордынское обозрение», 2018, №2) открывает широкие возможности для дискуссии о позиционировании легитимности верховной московской власти в рассматриваемый период. Важность упомянутой статьи чрезвычайно сложно переоценить, поскольку скрупулезное встраивание образов и версий относительно тех или иных событий в официальных документах до сих пор редко является отдельной исследовательской задачей. Вместе с тем, затронув важную для отечественной историографии тему, М.В. Моисеев уводит дискуссию в сторону сопоставления версий, излагаемых в дипломатических или иных официальных документах, с восстановленной с привлечением иного материала исторической реальностью. Очевидно, что такое сопоставление неизбежно привело бы к выводу о несостоятельности версий официальных документов – что, собственно, и происходит. Более продуктивным представляется сравнение коммуникационных практик, которые верховная московская власть выстраивает с западными, восточными и (что не менее важно) внутриэлитарными контрагентами. Упоминание последних, в частности, позволяет по-новому взглянуть на тезис об элитарном консенсусе относительно тех или иных версий присоединения Поволжья и легитимизации московского царя в целом. На материалах дипломатической переписки, летописей, литературных памятников и исследований историков делается вывод о том, что позиционирование верховной русской власти существенно отличалось в зависимости от адресата: на западе, востоке или внутри страны. Довольно поздно начав выстраивать стройную официальную версию легитимизации власти московского царя, придворные интеллектуалы и сам Иван Грозный, тем не менее, формулируют, по меньшей мере, три разных полноценных версии происхождения власти московских царей и обоснования их права занять важное место в ряду западных и восточных правителей: от Августа, от Чингиз-хана и от Христа.

Ключевые слова: дипломатическая переписка Ивана Грозного, татарские государства, европейские государства, государственная политика, легитимизация верховной власти

Для цитирования: Чернышов С.А. Иван Грозный – потомок Чингиз-хана или Августа: легитимизация верховной власти Московского царства в коммуникационных практиках XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 159–174. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.159-174

IVAN THE TERRIBLE – CHINGGIS KHAN’S OR AUGUSTUS’S DESCENDANT: LEGITIMIZATION OF THE SUPREME AUTHORITY OF THE MOSCOW TSARDOM IN COMMUNICATION PRACTICES OF THE 15TH–16TH CENTURIES

S.A. Chernyshov

*Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation
1502911@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* To consider the communication practices of Ivan the Terrible, his predecessors, Russian diplomats and other representatives of the supreme power of the Moscow tsardom in the 15th–16th centuries in the context of the legitimization of rights to certain territories and ideas about historical continuity in general

Research materials: The study was conducted on the basis of the analysis of the chronicles, charter and diplomatic materials, along with historical and ethnographic studies.

Results and novelty of the research: The article “Historical Examples in the Letters of Ivan IV to the Crimean Khanate and the Nogai Horde” (“Golden Horde Review”, 2018, no. 2) published by M.V. Moiseev, opens up broad opportunities for discussion about the positioning of the legitimacy of the supreme Moscow authorities in the period under consideration. The importance of this article is extremely difficult to overestimate since the scrupulous embedding of images and narratives of certain events in official documents is still rarely a separate research task. At the same time, having touched upon an important topic for Russian historiography, M.S. Moiseev leads the discussion in the direction of comparing the versions set forth in diplomatic or other official documents with the historical reality reconstructed with the use of other material. It is obvious that such a comparison would inevitably lead to the conclusion that the versions of events found in official documents are inconsistent – something which does, in fact, happen. More productive is the comparison of communication practices that the supreme Moscow authorities were developing with western, eastern and (no less important) intra-elite counterparties. The mention of that last group, in particular, makes it possible to take a fresh look at the thesis on the elite consensus on those or other versions of the annexation of the Volga region and the legitimization of the Moscow tsar. On the materials of diplomatic correspondence, chronicles, literary monuments and studies of historians, it is concluded that the positioning of the supreme Russian government differed significantly depending on the addressee’s relative position: in the west, east or inside the country. Starting to build a harmonious official version of the legitimization of the power of the Moscow tsar quite late, court intellectuals and Ivan the Terrible himself formulated at least three different full-fledged versions of the origins of the power of Moscow tsars from which they justified their right to occupy an important place among the Western and Eastern rulers: Augustus, Chinggis Khan and Christ.

Keywords: diplomatic correspondence of Ivan the Terrible, Tatar states, European states, state policy, legitimization of the supreme power

For citation: Chernyshov S.A. Ivan the Terrible – Chinggis Khan's or Augustus's Descendant: Legitimization of the Supreme Authority of the Moscow Tsardom in Communication Practices of the 15th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 159–174. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.159-174

Анализ коммуникационных практик верховной власти Русского государства в XV–XVI вв, то есть в период, когда Москва фактически решает проблему легитимизации собственной обособленной государственности, – один из наиболее актуальных вопросов отечественной истории рассматриваемого периода. В этом смысле опубликованная статья М.В. Моисеева «Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду» представляет собой важный этап в исследовании системы внутри и внешнеполитических коммуникаций Московского царства. В работе ставится важный вопрос: как система аргументации Ивана Грозного, формирующая картину прошлого для целей коммуникаций с тем или иным контрагентом, соотносится с реконструируемой по документам исторической реальностью? Критическое отношение к дипломатической аргументации и постановку автором вопроса о *целевом* характере искажения подлинных исторических фактов нельзя не приветствовать. Вместе с тем, в работе имеется несколько основополагающих тезисов, которые фактически принимаются на веру, хотя и сами по себе должны являться предметом для дискуссии.

Первый тезис – допущение, что приводимые в дипломатической переписке факты и аргументы отражают авторитетную для автора послания позицию и являются воплощением определенного элитарного консенсуса [17, с. 285]. Ни то, ни другое, строго говоря, неочевидно. Первая часть данного тезиса подразумевает, что дипломатия оперирует данными, в которые она верит (что опровергается множественностью версий по одному и тому же вопросу, приведенных ниже по отношению к проблематике легитимизации верховной власти московских царей). Вторая же никак не учитывает неомогенный характер элит, в частности, сочувствие части элит позиции опального Андрея Курбского, опровергающего самое старшинство московских князей – в пользу тверских и суздальских родов [10, с. 95].

Второй тезис – апелляция к прошлому как аргумент в пользу легитимности тех или иных действий в настоящем. Эта идея действительно представляется одной из самых перспективных в исследовании проблематики государственного строительства Московского царства в XV–XVI вв., и следует приветствовать скрупулезный разбор М.В. Моисеевым логики сопоставления прошлого и настоящего в посланиях Ивана Грозного: в ответ на претензии Уруса на выплаты с Казани и Астрахани [17, с. 286], обосновании прав Москвы на приволжские татарские ханства [17, с. 287], в ответе Девлет-Гирею и в других эпизодах [17, с. 287]. Итогом этого анализа становится стройная многоаспектная версия, которую Иван Грозный транслирует рассматриваемым в статье контрагентам: давнее право на возведение ханов на казанский престол, нарушение казанцами этого права, важность и гарантии сохранения ислама на покоренных территориях и прочее.

Приведенному в статье анализу не достаёт широты контекста. Например, в части сопоставления рассмотренных фактов с аналогичными процессами обособ-

нования власти московского царя по отношению к присоединенному позднее Сибирскому ханству, где формулировки повторяются практически под копирку: «а нечто спросят про Сибирь, и Казарину с товарищи говорити: Сибирское царство искони вечная вотчина в.г. наших царей Российских, и дань давали в.г. нашим, и ныне дают свяше прежнего, и на царскую службу ходят, где им царское величество повелит» [27, с. 416–417] (из инструкции посольству Станислава Витовского и князя Соколинского в 1607–1608 гг.). Или – из инструкции послам Григорию и Ивану в Англию в 1600 году: «Сибирское царство искони вечная отчина государей наших, царей Российских, а взял Сибирь в. гдрь наш князь Иван Васильевич всея Руси, в. гдря нашего, блаженные памяти ц. и в. князя Федора Ивановича всеа Руси самодержца, прадедь – тому ныне болши ста летъ» [28, с. 296–297]. Еще одна грань исторического контекста приводимых сообщений – космологические смыслы апелляции к прошлому в Московском царстве того времени. Ведь Москва решала не только проблему объяснения тех или иных событий главам татарских ханств, но и искала нужные версии для западной аудитории. А здесь важным историческим контекстом является отношение Москвы ко «второму Риму» – Константинополю – как через прямые сходства, так и через символические действия – периодические взятия Царьграда или Корсуни первыми русскими князьями [21, с. 172]. В таком контексте взятие Казани представляется совсем иным, как аргумент в пользу царского титула Ивана Грозного: «а наши государи от начала по своему государству по Русскому зовутца цари, которые венчаютца; ... и государь наш ныне, з Божьею волею пишетьца царем Русским и Казанским, и то, панове, место Казанское, и сами знаете извечное царское потомуж, как и Русское» (из наказа посольству в Польшу в 1554 году) [21, с. 188]. Наконец, совершенно не рассматривается религиозный контекст мировоззрения самого Ивана Грозного и представителей его двора, хотя уже при жизни царя отмечается религиозная мифологизация его деятельности, переплетение светского и религиозного начал [18, с. 13].

Наконец, третий тезис – признаваемая М.Н. Моисеевым важность сравнения реальных событий и их интерпретации в дипломатических документах. Характерные цитаты: «таким образом, летописные известия и посольские книги в этом вопросе разнятся. В случае летописных текстов мы сталкиваемся с создаваемой теорией легитимации, которая противоречит реальному ходу событий» [17, с. 288], «ряд аргументов, используемых полемистами, имеют очевидный нелегитимный характер» [17, с. 298]. При этом автор лишь поверхностно анализирует вопрос, который куда более важен, чем сопоставление «реальной» и «дипломатической» картины мира: какие факторы и как именно повлияли на вольную интерпретацию исторической реальности? И каковы технологические особенности внешнеполитических коммуникаций московского двора в широком контексте динамической системы международных отношений того времени? Ответов на эти вопросы исследование не содержит. Однако, на наш взгляд, именно такой подход позволяет дать полноценный анализ фактам, приводимым в статье.

Формирование устойчивых (положительных либо отрицательных – в зависимости от ситуации) образов политических деятелей – навык, которым европейские интеллектуалы, по всей видимости, хорошо владели уже к нача-

лу XVI века. Хрестоматийный пример (хотя и несколько более поздний) – кампания по дискредитации Ивана Грозного, который в 1573–1575 пытался баллотироваться на польский престол, однако потерпел неудачу в связи с публикацией серии памфлетов, в котором московский царь изображался сумасбродным тираном и отступником (самое известное из таких произведений – «Историю о великом князе Московском» написал главный тогдашний «политэмигрант», Андрей Курбский [32, с. 39]).

Хотя и отдельные попытки формирования аналогичных устойчивых образов для «внешнего пользования» встречаются в практике русских царедворцев начиная, по меньшей мере, с XV века (например, именно к этому периоду относят легенду о «дарах Константина», якобы посланных в Киев великому князю Владимиру [4, с. 129–130]), вплоть до середины XVI века русская политическая мысль испытывала дефицит единых подходов к формулировкам политической истории Москвы и истоков легитимности здешней верховной власти. По выражению А.И. Филюшкина, «русские дипломаты не умели мыслить регионами и континентами» [31, с. 33]. Этот же исследователь, в частности, утверждает, что даже идея присоединения к титулатуре Ивана III слов «всая Руси» явилась изобретением не московских политиков, но послов Священной Римской империи, которые тем самым подталкивали москвитов к войне с Великим княжеством Литовским [31, с. 35].

Ситуация меняется во второй половине XVI века – это отмечают как историки, так и, скажем, филологи, основываясь исключительно на семантическом анализе текстов рассматриваемой эпохи. Так, Д.С. Лихачев пишет, что в исторических сочинениях, публикующихся начиная с середины XVI века, четко прослеживается два новых принципа: единство точки зрения на исторические события и единство тем исторических сочинений – в противовес сочинениям XI–XV вв., авторы которых не стремились переработать исходный материал под одну точку зрения [14, с. 9]. Единообразии (формируемое, конечно, целенаправленно) точек зрения на те или иные события неизбежно порождает идеализацию истории русской государственности: «идеализируются не только отдельные деятели русской истории, но и вся русская земля, весь ход ее истории, весь род государей в целом, ее державные города – Киев, Новгород, Псков, Владимир, Тверь, Москва (...) идеализируются самые события, ход которых закругляется, сжимается, лишается излишних деталей, разбивается на законченные в повествовательном отношении сюжеты, обставляется нравочениями» [14, с. 9].

Одновременно с литераторами явный прогресс в развитии общественной мысли показывают и дипломаты. Если исторические свидетельства иностранцев, приехавших в Москву в начале XVI в, свидетельствуют об отсутствии четко сформулированных государственных версий тех или иных событий, то уже сразу после визита посольства сибирского князя Едигера к Ивану Грозному в 1555 году, Москва включает всю мощь своей дипломатии и активно информирует о случившемся иностранных государей. Так, уже в том же году в наказе послу С. Турпееву в Литву предписывалось говорить: «Сибирская земля порядку с Казанскою землею; и как государь наш взял Казань, и сибирской князь Едигерь был челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь... Сибирскую землю держал за собою» [1, с. 47].

Восточная экспансия Московского царства (прежде всего, присоединение Поволжья и Западной Сибири) в целом потребовала активизации русской политической мысли для легитимизации последовательных «взятий». Например, авторы более позднего (XVII век) произведения «Повесть о начале Москвы» прямо сформулируют задачу повествования – объяснить право Москвы «царством слыть» [21, с. 20]. Задача предстояла не из легких, ведь фактически московский царь вторгался на территорию, бывшую под властью Чингизидов, хотя и сам «не мог получить доступ в ханскому трону, поскольку в тюрко-монгольской государственной традиции того времени легитимный правитель Юрта должен был происходить только из рода Чингисхана» [30, с. 202]. Одним из аргументов, вокруг которого имело смысл сформировать пафос восточной экспансии, могла бы быть цивилизаторская функция русских, однако Московское царство складывалось на идентичных принципах постзолотоордынской государственности – в результате оно «ничего неожиданного предложить сибирским аборигенам не могло» [36, с. 126].

Проблема легитимизации собственной власти возникла у московских князей во второй половине XV века, и эта проблема была двойственной. Москва ищет идеологическое обоснование, с одной стороны, своего отчуждения от ордынского наследства, с другой – древней преемственности собственной власти [15, с. 84–91]. Именно поэтому по мере нарастания центробежных процессов в Орде князь Василий Васильевич начинает периодическое использование термина «царь» в официальных документах [8, с. 88], что ранее позволяли себе только сюзерены московского правителя в Орде [8, с. 188]. А после ликвидации ордынского сюзеренитета над Москвой (завершившейся, как известно, постепенно во второй половине XV в.) русские правители систематически начинают представлять себя на международной арене преемниками монгольских ханов. Собственно, это единственное внятное обоснование восточной экспансии Москвы, которую удалось сформулировать во второй половине XVI в.: «первые московские цари, внешне этого особенно не афишируя, на деле ощущали себя правопреемниками монгольских ханов. Уже во время последнего наступления на Казань и Астрахань Иван IV именовал их своей вотчиной» [35, с. 65]. Добавим, что такая интерпретация обоснования легитимности власти московского царя над бывшими территориями Золотой Орды известна в отечественной исторической литературе давно. Так, еще в 1870 году историк и этнограф Н.И. Костомаров пишет «старейший князь заменил собой хана со всеми его атрибутами верховного государя и собственника русской земли» [13, с. 95].

Отсюда и упоминаемый в работе М.В. Моисеева тезис о присоединении Казани как акте возврата несправедливо захваченного узурпаторами. Нельзя не согласиться с Р. Пайпсом, который констатирует: то, что Москва признавала Казанское, Астраханское и Сибирское ханства своими вотчинами, «могло означать лишь одно – он смотрел на себя как на наследника Золотой Орды» [19, с. 105]. Этот вывод созвучен тезису Г.В. Вернадского, который отмечал, что «с основанием в 1452 году вассального татарского княжества в Касимове, Москва продемонстрировала, что она принимает на себя роль наследника Золотой Орды» [6, с. 21]. Реализовывая эту доктрину, Москва постепенно консолидирует этнические элиты постзолотоордынского простран-

ства: бывшие правящие круги Казанского, Астраханского, Сибирского ханств становятся дворянскими родами в России. В результате к XVIII в., согласно вычислениям Н.П. Загоскина, 156 русских дворянских семей были татарского или иного восточного происхождения [5, с. 13].

Нам пока неизвестны источники, где Иван Грозный прямо выводит свою родословную от Чингизидов (по аналогии со знаменитым «Сказанием о князьях Владимирских»). Однако примеров, когда такая идеологема подспудно продвигается для тех или иных целей, существует достаточное количество. Так, в «Сибирских летописях» («группа Есиповской летописи») встречается фраза: «И царь Чингис умер бездетне, только имел единственную дочь. И по своей смерти приказал все свое имение зятю и дочери» [16, с. 16]. Речь идет о Западной Сибири, которую, по этой легенде, Чингиз-хан завещал «сибирскому» Тайбуге, «скрепив» это браком со своей дочерью. С точки зрения современного исследователя, это кажется абсурдом, однако легенда о бездетности Чингиз-хана встречается в русских летописях не раз. Например, в «Подлинном родослове Глинских князей» первой половины XVI в., которым обосновывалось прямое родство Глинских с Чингиз-ханом [23, с. 201–202].

Помимо опосредованного продвижения собственной родовитости, Иван Грозный и его преемники решают и другую связанную с этим задачу: обоснование нелегитимности прав шейбанида Кучума на Сибирский юрт [12, с. 43]. А отсюда, с точки зрения выстраивания стройной идеологемы «Сибирского взятия», всего лишь шаг до обоснования исконных прав московских царей на Сибирь. Так, уже в августе 1585 года, в инструкции русским послам в Швецию, формируется следующая официальная позиция относительно событий в Зауралье: «А нечто спросят про Сибирь, а хотя и не спросят, и имь в розговорахъ про Сибирь гоорити, что на Сибирскомъ царстве цари сидели ихъ рукъ государей нашихъ прежнихъ и дань давали государямъ нашимъ, а последней Сибирской Кучюмъ царь посаженикъ был на Сибири изъ рукъ государя нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии» [26, с. 313]. Итак, шейбанид Кучум получает власть из рук московского царя – не это ли прямо высказанная претензия на признание за Иваном Грозным равных прав с чингизидами?

Добился ли Иван Грозный на востоке консенсуса относительно признания за собой таких прав? Очевидно, нет. Современник царя, Генрих Штаден, в своих воспоминаниях «Страна и правление московитов (записки немца-опричника)», написанных по мотивам его жизни в Московии в 1564–1567 гг., описывает следующий характерный эпизод, относящийся к очередному набегу крымского хана: «он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспшлинно, ибо он царь и государь всея Руси» [25, с. 421].

Однако бескомпромиссными поборниками напоминания Ивану Грозному о его недостаточной родовитости являлись далеко не все – довольно быстро в этот спор вмешалось «право сильного». Именно о нем, в частности, говорится в наказе послу в Крым А.Нагому в 1563 г.: «если вспомнят при каком-нибудь случае о великом князе Иване Даниловиче Калите и о царе Узбеке (...) то отвечать, что такие разговоры к доброму делу нейдут... теперь Божию волею Узбеков юрт у кого в руках, сами знаете» [29, с. 95]. И восточные контрагенты московского царя довольно быстро усваивают этот тезис. Ха-

рактерны в этой связи послания ногайских мурз Белек-Пулада б. Хаджи-Мухаммеда и Арстлана б. Хаджи-Муххамеда в 1551–1552 гг. Первый пишет буквально следующее: «в той земле он (Белый царь – С. Ч.) сказываетца Чингизовым прямым сыном... Брат мой Дервиш царь к Чингизову сыну Белому царю, православному государю и жалостивому государю Белому царю в ноги ево пасти идем». Второй признает: «Ты Чинников сын, а я Кошумов сын, и ныне нам меж себя не дружбу оставити». Наконец, уже после взятия Казани и Астрахани последний пишет Ивану Грозному: «Великого Цингиз царев прямои род счастливои государь еси... Похошь пожаловати – пожалуешь, а не похошь пожаловати – не пожалуешь» [30, с. 202–203].

Конечно, ни Иван Грозный, ни региональные элиты Поволжья и Западной Сибири не могли всерьез верить в происхождение московского царя от Чингиз-хана. Если ограничиваться сопоставлением «реальности» и дипломатических документов, на этом и следовало бы поставить точку. Однако нельзя не заметить: в коммуникациях обе стороны все же достигают совершенно иного консенсуса относительно статуса Ивана Грозного. Фактически, представление московского царя если не потомком, то прямым преемником Чингиз-хана было выгодно и Грозному, и местным элитам настолько, что о реальных династических несоответствиях можно было «забыть».

На фоне указанного публичного консенсуса на Востоке, на Западе дело обстояло совершенно иначе. Здесь Иван Грозный выстраивает иную легенду, позиционируя себя потомком римских императоров. Более того, в отличие от татарских ханств, в отношениях с западными правителями московские государи не стесняются в своих коммуникациях предвосхищать события. Так, уже в верительных грамотах магистру Тевтонского ордена Альбрехту (1517–1520) Василий III упоминает все свои владения и добавляет к титулатуре «и божею милостию царем», по выражению Н.М. Рогожина, «не ограничивая тем самым себя в славословии» [24, с. 74]. Всего через полвека его сын, Иван Грозный, и вовсе будет показательно кичиться своим якобы «царским» происхождением в послании шведскому королю Юхану III: «а пишешь к намь, что отец твой венчанный король, а мати твоя также венчанная королева... а дотоле не бываль никто! Уже такъ сказываешься государьской родь, и ты скажи,... какъ деда твоего звали, и где на государстве сидель, и с которыми государи былъ в братстве, и которого ты роду государьского? А намь допона ведомо, ... Что вы мужичей родь, а не государьской» [2, с. 123].

Итак, если для восточных правителей он – преемник Чингиз-хана, то для западного мира – «первого» или «второго» Рима. Так, уже в «Летописце начала царства Царя и великого князя Ивана Васильевича» описывается сцена смерти Василия III, в ходе которой умирающий правитель возлагает на сына Ивана крест со следующими словами: «благословляемъ же его животворящим крестомъ, которой прислан из Царягорода от царя Константина Манамаха великому князю Володимеру Монамаху» [22, с. 9]. В «Степенной книге царского родословия» эта мысль лаконично развивается в преемственность уже от императора Августа: ««жезлом же прообрази в Руси самодержавное царское скипетроправление, иже начася от Рюрика.... Иже бь от племени Прусова... Прус же брат бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа, при нем же бысть неизреченное на земли рож-

дество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» [2, с. 326]. Наконец, Дж. Флетчер, бывший в Московии в 1588–1589 гг., дополняет эту картину любопытным эпизодом, на наш взгляд, характерным для взаимоотношения царского двора с представителями западных держав: «Иван Васильевич, отец теперешнего царя, часто гордился, что предки его не русские, как бы гнушась своим происхождением от русской крови» [34, с. 29].

Постепенно вырабатывается и еще одна традиция – представление русской истории и истории династии московских царей в общехристианском контексте. Так, в уже упомянутой «Степенной книге...» первая междоусобица князей в Киевской Руси описывается в контексте Каинова братоубийства, деяния Владимира называются семенем «нового Израиля», а сам он сравнивается с Давидом и так далее [33, с. 165]. Наконец, к началу XVII века, а особенно после Смуты формируется «каноническая» версия в отношении происхождения московских государей. Так, в грамоте царя Михаила Федоровича королю Людовику XIII в мае 1615 года она излагается следующим образом: «с древних лет .. на великих и преславных государствах Российского царствия были великие государи прародители наши от рода Августа кесаря, обладающего всею вселенною, от сродича его от великого князя Рюрика и от великого государя великого князя Владимира Святославовича, иже просветлившаго Рускую землю святым крещением» [7, с. 211].

Так же, как и по отношению к восточным правителям и версии «Иван Грозный – преемник Чингизхана», уместно задать вопрос – верили ли короли западных держав в идею преемственности московского царя императору Августу? Ответ будет аналогичным – твердая уверенность в этом нигде не подтверждается, более того, официальные документы раз за разом демонстрируют сомнения королевских дворов в том, что Иван Грозный имеет какое-то отношение как к «первому», так и ко «второму» Риму. И Ивану приходится постоянно оправдываться. Так, в послании польскому королю Стефану Баторию (1579 год) царь пишет: «и ты по тому ли нам великь хочешь быти, что нас *отчитаешь* от Августа кесаря?» [3, с. 166]. В 1582 году в речи Ивана Грозного послу из Рима, Антонио Поссевино, встречается аналогичный эпизод: «а что нас *укоряет*, что мы пишемся «носители креста Христова», – ион ещо первому благочестии царю Константину сам создатель, господь наш Иисус Христос, первое явление в полудни явил» [4, с. 142]. Напротив, тот же Стефан Батория в ответе на послание Ивана Грозного (со всеми оговорками о специфике момента) больше готов поверить в «восточную» версию легитимизации власти московского царя: «ты, который кровь свою с ними помешал, которого предки ... кобылье молоко, что укунуло на чревы татарских шкап лизали» [29, с. 115]. Аналогичную версию (власть московского царя легитимна скорее в силу преемственности татарским ханствам) транслирует в своих повествованиях путешественник Горсей Джером, отмечая, что «посредством этих завоеваний (Казани и Астрахани – С.Ч.) он приобрел могущество и славу, присоединив к своим владениям два отдельных венца и их царства, и поэтому общим советом всех своих князей, бояр, духовенства и людей был венчан и принял статус царя» [9, с. 51]. И это, как отмечал еще С.М. Соловьев, более сильный аргумент даже для западного человека: «надобно перенестись в XVI век, чтобы понять всю силу впечатле-

ния, какое производили на современников эти слова: «завоевано татарское царство» [11, с. 7].

Мы получаем, на первый взгляд, довольно абсурдную картину: на западе и на востоке московский двор использует совершенно разные концепции легитимизации верховной власти, но ни в одну из них другая сторона внешнеполитических коммуникаций всерьез не верит. С этой точки зрения версия про то, что Иван Грозный мыслил себя как потомка Августа, равнозначна версии о московском царе как преемнике Чингиз-хана: обе они использовались для конкретных внешнеполитических целей и обе не имели ничего общего с реальностью. Что, впрочем, ничуть не обесценивает ни одну из них – являясь элементом сложносоставных внешнеполитических действий, эти версии очевидно сыграли свою роль в упрочнении позиций Москвы.

Эту картину дополняет еще одна версия легитимизации центральной власти, которую Иван Грозный подспудно использовал по отношению к внутренним элитам Московского царства. Она, по всей вероятности, существенно отличалась как от «западной», так и от «восточной» версии. Внутри страны царь легитимизирует свою власть через «задревление» своего рода и апелляции к Богу. Ярчайший пример такого рода коммуникативной практики содержится, конечно, в посланиях Ивана Грозного Андрею Курбскому, адресованных, конечно, не только и не столько опальному политику, сколько внутрироссийским элитам в целом. Так, в первом письме Курбскому (5 июля 1564 года) Грозный пишет: «а о безбожныхъ языцехъ, что и глаголити! По-неже те все царствию своими не владеють: какъ им повелять работные ихъ, тако и владеють. А Российское самодержавство изначала сами владеють своими государствы, а не бояре и велможи!... еже от Бога данные намъ власти самимъ владети и не восхотехомъ подо властию быти попа и вашего злодеяния» [3, с. 26]. И далее: «якоже убо Июда злата ради преда Христа, тако же убо и вы наслаждения ради мира сего православное христианство и насъ, своихъ государей, предали есте, души свои забывъ» [3, с. 53]. Итак, здесь фиксируется очень понятная картина: власть царя легитимна, поскольку она от Бога, а преступление против царя (дополним – и государства в целом) есть преступление, которое уподобляется преступлению против Христа.

Для внутрироссийской аудитории Иван Грозный выступает также как мистик, используя для формирования такого образа не только содержание, но и форму посланий. В частности, в своих произведениях он пользуется старославянским языком, который к тому времени не употребляется в Русском государстве, по меньшей мере, 150–200 лет. «В посланиях Грозного преобладают еще церковно-славянские словарь и грамматические формы. Это обусловлено и характером образования Грозного и характером его общественно-мировоззрения» [37, с. 257]. Московский царь – еще и церковный публицист: «ему предписываются отдельные песнопения к двум праздничным певческим циклам: к службе в честь митрополита всея Руси Петра и службе в честь иконы Владимирской Богородицы» [20, с. 165]. В результате фактически Грозный «переносит» небесную иерархию: царь – посланник Бога, сопоставимый с Христом, окружение – ангелы и архангелы, суть деятельности которых – беззаветное служение [20, с. 165].

Таким образом, анализ коммуникационных практик центральной московской власти демонстрирует несколько независимых друг от друга версий. Московский царь – преемник Чингиз-хана (для восточных правителей), московский царь – потомок Августа и ревнитель христианской веры (для западных держав), московский царь – церковный мистик и посланник Бога на земле (для «внутреннего пользования»).

В какую из этих версий «на самом деле» верил сам Иван Грозный? Вероятнее всего, этот вопрос не имеет смысла (в этом принципиальное отличие нашей позиции от идеи упомянутой статьи М.В. Моисеева, в которой ставится вопрос о необходимости сравнения реальных и транслируемых в дипломатических посланиях исторических примерах). Ивану Грозному как центральной фигуре в системе политической власти вовсе необязательно было придерживаться какой-то из версий и вообще соотносить транслируемые идеологемы с исторической реальностью и собственным мнением. Более реалистичной выглядит версия, что русские цари, оставаясь прагматиками во внутренней и внешней политике, перенимали не слепую веру в то или иное происхождение собственной власти, а саму технологию властвования, в которой «правильная» родословная – один из элементов эффективных коммуникационных практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишин М.О. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // Российская история. 2015. №3. С. 45–57.
2. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. 683 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. 683 с.
4. Бычкова М.Е. Регалии власти московских государей и формирование идеи государственной власти // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до крушения. М.: ИРИ РАН, 2006. С. 128–148.
5. Вернадский Г.В. История России. Московское царство. М., Тверь: ЛЕАН/АГРАФ, 1997. 511 с.
6. Вернадский Г.В. Русская история. М.: АГРАФ, 1997. 542 с.
7. Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.
8. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
9. Джером Г. Записки о России. XVI – начало XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
10. Ерусалимский К.Ю. Представления Андрея Михайловича Курбского о княжеской власти и русских князей IX–XVI века // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2004. Вип. 4. С. 71–100.
11. Жерновков Г.И. На заре Сибирской истории. Новониколаевск, 1919, 36 с.
12. Исхаков Д.М. Сибирский юрт в конце XV века – начале 1560-х гг.: ханство или княжество? // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. №2. С. 43–47.
13. Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.

14. *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. 3-е издание. М., Наука, 2006. 202 с.
15. *Лушников О.В.* Влияние ордынского фактора на становление Московского государства: историографический аспект // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 84–91.
16. *Маслюженко Д.Н.* Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизации генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 9–21.
17. *Моисеев М.В.* Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 283–303. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.283-303
18. *Мутья Н.Н.* Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб, Алетей, 2010. 496 с.
19. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. 424 с.
20. *Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В.* Образ высшей власти Московии в музыкально – гимнографическом творчестве царя Ивана IV Грозного // Вопросы истории. 2017. №8. С. 164–168.
21. *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. Спб, Акрополь, 1995. 336 с.
22. Полное собрание русских летописей: в 43 т. ; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Наука, 1965. Т. 29. Летописец начала царства Царя и Великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. 390 с.
23. Полное собрание русских летописей: в 43 т.; под ред. С.Л. Пташицкого, А.А. Шахматова. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1907. Т. 17. Западнорусские летописи. 384 с.
24. *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., ИРИ, 1994. 210 с.
25. Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русис, 2003. 403 с.
26. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 129: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством: Ч. 1: 1556 – 1586 гг. СПб., 1910. 585 с.
27. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 137: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. М., 1912. 808 с.
28. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 38: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Ч. 1: 1581–1604 гг. СПб., 1883. 493 с.
29. *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: Изд-во Олега Обышко, 2017. 320 с.
30. *Трепавлов В.В.* История и историческое время в представлениях позднесредневековых кочевников Евразии // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: историческая память и формы ее воплощения. М.; Вост. Лит. 2003. С. 191–203.
31. *Филюшкин А.И.* «Предтеча пакта Молотова-Риббентропа» (1576 г.) // Две империи – много национальностей. Материалы венгерско-российского научного семинара (25 июня 2007 г., Санкт-Петербург). Будапешт, 2007. С. 26–44.
32. *Филюшкин А.И.* Очерк истории российского государства в XVI веке // Новое в исторической науке: в помощь преподавателю истории. Нижневартовск, 1997. С. 28–44.

33. Филошкин А.И. Понятие «царство» в Средневековой Руси // Воронежская беседа на 1999–2000 годы. Воронеж, 1999. С. 161–177.

34. Флетчер Дж. О государстве русском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русис, 2003. С. 14–151.

35. Шерстова Л.И. Русские и аборигены южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // Сибирский плавильный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, Сибирский Хронограф, 2004. С. 61–70.

36. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005. 311 с.

37. Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 14. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 256–265

Сведения об авторе: Сергей Андреевич Чернышов – кандидат исторических наук, старший преподаватель Новосибирского государственного технического университета (630073, пр-т Карла Маркса, 20, Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: 1502911@mail.ru

Поступила 19.12.2018 Принята к публикации 26.02.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Akishin M.O. D'yaki Posol'skogo prikaza i prisoyedineniye Sibiri [Scribes of the Ambassadorial Order and the accession of Siberia]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. 2015, no. 3, pp. 45–57. (In Russian)

2. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of literature of ancient Russia]. Pod red. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitriyeva, A.A. Alekseyeva, N.V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. Vol. 12: XVI vek. 683 p. (In Russian)

3. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of literature of ancient Russia]. Pod red. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitriyeva, A.A. Alekseyeva, N.V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. Vol. 11: XVI vek. 683 p. (In Russian)

4. Bychkova M.Ye. Regalii vlasti moskovskikh gosudarey i formirovaniye idei gosudarstvennoy vlasti [Regalia of power of Moscow sovereigns and the formation of the idea of state power]. *Sud'ba dvukh imperiy. Rossiyskaya i Avstro-Vengerskaya monarkhii ot rastsveta do krusheniya* [The fate of two empires. Russian and Austro-Hungarian monarchies from bloom to wreck]. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2006, pp. 128–148. 683 p. (In Russian)

5. Vernadskiy G.V. *Istoriya Rossii. Moskovskoye tsarstvo* [The History of Russia. The Moscow Tsardom]. Moscow–Tver, Lean, Agraf, 1997. 511 p. (In Russian)

6. Vernadskiy G.V. *Russkaya istoriya* [The Russian History]. Moscow, Agraf, 1997. 542 p. (In Russian)

7. Vianey B. *Puteshestviye Zhana Sovazha v Moskoviyu v 1586 godu. Otkrytiye Arktiki frantsuzami v XVI veke* [Journey of Jean Sauvage to Muscovy in 1586. Discovery of

the Arctic by the French in the 16th century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 512 p. (In Russian)

8. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 214 p. (In Russian)

9. Jerome Horsey. *Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII vv.* [Notes about Russia. 16th – early 17th century]. Moscow, Moscow State University Publ., 1990. 288 p. (In Russian)

10. Yerusalmitskiy K.YU. Predstavleniya Andreya Mikhaylovicha Kurbskogo o knyazheskoy vlasti i russkikh knyazey IX–XVI veka [Perception of Andrei Mikhailovich Kurbsky of the princely power and the Russian princes of the 9th and 16th centuries]. *Sotsium. Al'manakh sotsial'noi istorii* [Socium. Almanac of social history]. Kyiv, 2004. Is. 4, pp. 71–100. (In Ukrainian)

11. Zhernovkov G.I. *Na zare Sibirskoy istorii* [At the dawn of Siberian history]. Novonikolayevsk, 1919. 36 p. (In Russian)

12. Iskhakov D.M. Sibirskiy yurt v kontse XV veka – nachale 1560-kh gg.: khanstvo ili knyazhestvo? [The Siberian Yurt at the end of the 15th century – the beginning of the 1560s: The Khanate or principality?] *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2010, no. 2, pp. 43–47. (In Russian)

13. Krom M.M. *Rozhdeniye gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov* [The birth of the state: The Moscow's Rus' of 15th–16th centuries]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. 256 p. (In Russian)

14. Likhachev D.S. *Chelovek v literature Drevney Rusi* [The man in the literature of ancient Rus']. 3-ye izdaniye. Moscow, Nauka Publ., 2006. 202 p. (In Russian)

15. Lushnikov O.V. Vliyaniye ordynskogo faktora na stanovleniye Moskovskogo gosudarstva: istoriograficheskiy aspekt [The influence of the Horde factor on the formation of the Muscovite state: the historiographic aspect]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2010, no. 2, pp. 84–91. (In Russian)

16. Maslyuzhenko D.N. Sibirskaya knyazheskaya dinastiya Taybugidov: istoki formirovaniya i mifologizatsii genealogii [The Siberian princely dynasty of the Taybugids: the origins of the formation and mythologization of genealogy]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2010, no. 2, pp. 9–21. (In Russian)

17. Moiseyev M.V. Istoricheskiye primery v poslaniyakh Ivana IV v Krymskoye khanstvo i Nogayskuyu Ordu [Historical Examples in the Letters of Ivan IV to the Crimean Khanate and the Nogai Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 2, pp. 283–303. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.283-303 (In Russian)

18. Mut'ya N.N. *Ivan Groznyy: istorizm i lichnost' pravatelya v otechestvennom iskusstve XIX–XX vv.* [Ivan the Terrible: historicism and the personality of the ruler in the domestic art of the 19th and 20th centuries]. St. Petersburg, Aletyya, 2010. 496 p. (In Russian)

19. Payps R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the old regime]. Moscow, 1993. 424 p. (In Russian)

20. Parfent'yev N.P., Parfent'yeva N.V. Obraz vysshey vlasti Moskovii v muzykal'no – gimnograficheskom tvorchestve tsarya Ivana IV Groznogo [The image of the highest authority of Muscovy in the musical and hymnographic works of Tsar Ivan IV the Terrible]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2017, no. 8, pp. 164–168. (In Russian)

21. Plyukhanova M.B. *Syuzhety i simvolyy Moskovskogo tsarstva* [Plots and symbols of the Moscow tsardom]. St. Petersburg, Akropol, 1995. 336 p.

22. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]: v 43 t.; otv. red. M.N. Tikhomirov. Moscow, Nauka Publ., 1965. Vol. 29. Letopisets nachala tsarstva Tsarya i Velikogo knyazya Ivana Vasil'yevicha. Aleksandro-Nevskeya letopis'. Lebedevskaya letopis'. 390 p. (In Russian)

23. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]: v 43 vol.; pod red. S.L. Ptashitskogo, A.A. Shakhmatova. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1907. Vol. 17. Zapadnorusskiye letopisi. 384 p. (In Russian)

24. Rogozhin N.M. *Posol'skiye knigi Rossii kontsa XV-nachala XVII vv.* [The Ambassadorial books of Russia of the late 15th – early 17th centuries]. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 1994. 210 p. (In Russian)

25. *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [Russia of the 16th century. Memories of foreigners]. Smolensk, Ruisis, 2003. 403 p. (In Russian)

26. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. V 148 t.* Vol. 129: *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi: Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva so Shvedskim gosudarstvom* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Monuments of Diplomatic Relations of Ancient Russia with Foreign Powers: Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Swedish State]. Part 1: 1556–1586 gg. St. Petersburg, 1910. 585 p. (In Russian)

27. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. V 148 t.* Vol. 137: *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. In 148 volumes. Volume 137: Monuments of diplomatic relations of the Moscow State with the Polish-Lithuanian State]. Moscow, 1912. 808 p. (In Russian)

28. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. V 148 t.* Vol. 38: *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Angliyyey. Ch. 1: 1581–1604 gg.* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. In 148 volumes. Volume 38: Monuments of diplomatic relations of the Moscow State with England. Part 1: 1581–1604]. St. Petersburg, 1883. 493 p. (In Russian)

29. Trepavlov V.V. «Belyy tsar'». *Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [The “White Tsar”. The image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia of the 15th–18th centuries]. St. Petersburg, Olega Obysheko Publ., 2017. 320 p.

30. Trepavlov V.V. *Istoriya i istoricheskoye vremya v predstavleniyakh pozdne-srednevekovykh kochevnikov Yevrazii* [History and historical time in the views of the late medieval nomads of Eurasia]. *Drevneyshiy gosudarstva Vostochnoy Yevropy: 2001 god: istoricheskaya pamyat' i formy yeye voploshcheniya* [The most ancient states of Eastern Europe: 2001: historical memory and forms of its embodiment]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, pp. 191–203. (In Russian)

31. Filyushkin A.I. «Predtecha pakta Molotova-Ribbentropa» (1576 g.). [The “Fore-runner of the Molotov-Ribbentrop Pact” (1576)]. *Dve imperii – mnogo natsional'nostey. Materialy vengersko-rossiyskogo nauchnogo seminara (25 iyunya 2007 g., Sankt-Peterburg)* [Two empires – many nationalities. Proceedings of the Hungarian-Russian research seminar (June 25, 2007, St. Petersburg)]. Budapesht, 2007, pp. 26–44. (In Russian)

32. Filyushkin A.I. *Ocherk istorii rossiyskogo gosudarstva v XVI veke* [An essay on the history of the Russian state in the 16th century]. *Novoye v istoricheskoy nauke: v pomoshch' prepodavatelyu istorii* [New in historical research: to help the teacher of history]. Nizhnevartovsk, 1997, pp. 28–44. (In Russian)

33. Filyushkin A.I. *Ponyatiye «tsarstvo» v Srednevekovoy Rusi* [The concept of “tsardom” in Medieval Rus']. *Voronezhskaya beseda na 1999–2000 gody* [The Voronezh conversation for 1999–2000]. Voronezh, 1999, pp. 161–177. (In Russian)

34. Fletcher J. *O gosudarstve russkom, ili obraz pravleniya russkogo tsarya (obyknovenno nazyvayemogo tsarem moskovskim), s opisaniyem nraov i oby chayev zhiteley etoy strany* [About the Russian State, or the type of government of the Russian tsar

(usually called the Moscow tsar), describing the manners and customs of the inhabitants of this country]. *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [Russia of the 16th century. Memories of foreigners]. Smolensk, Ruis, 2003, pp. 14–151. (In Russian)

35. Sherstova L.I. Russkiye i aborigeny yuzhnoy Sibiri: yevraziyskaya osnova etnokul'turnykh kontaktov [Russians and aborigines of southern Siberia: Eurasian basis of ethnocultural contacts]. *Sibirskiy plavil'nyy kotol: sotsial'no-demograficheskiye protsessy v Severnoy Azii XVI – nachala XVII veka* [The Siberian melting pot: socio-demographic processes in Northern Asia of the 16th – early 20th century]. Novosibirsk, Sibirskiy Khronograf, 2004, pp. 61–70. (In Russian)

36. Sherstova L.I. *Tyurki i russkiye v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskiye protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [Turks and Russians in Southern Siberia: ethno-political processes and ethnocultural dynamics of the 17th – early 20th century]. Novosibirsk, 2005. 311 p. (In Russian)

37. Shmidt S.O. Zametki o yazyke poslaniy Ivana Groznogo [Notes on the language of the messages of Ivan the Terrible]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Vol. 14. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958, pp. 256–265. (In Russian)

About the author: Sergey A. Chernyshov – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University (20, Karl Marx Ave., Novosibirsk 630073, Russian Federation). E-mail: 1502911@mail.ru

*Received December 19, 2018 Accepted for publication February 26, 2019
Published March 29, 2019*